

КОМБРИГ ФОМЕНКО

Мы собрались уже возвращаться на КП бригады, когда заместитель главнокомандующего внутренними войсками генерал-лейтенант Петр Ровенский положил руку на плечо комбрига Фоменко: «Погоди-ка, Геннадий Дмитриевич. Знаешь, хочу здесь, прямо на позициях, на передовой, сделать тебе подарок. Все, что могу!». И генерал протянул полковнику Фоменко изящный нож-складничок, с гербом России, с перламутровой ручкой, в чехольчике. За такой подарок по примете надо рассчитывать какой-никакой монеткой. А Фоменко за полгода на войне и денег-то в руках не держал — вроде ни к чему они здесь. Но залез под белый маскхалат, под куртку «Снег», отыскал в каком-то кармане мелкую денежку...

Разглядывая красивый нож, тут же переключился мыслью: «Надо бы и наших друзей собровцев отметить, все-таки вместе сражались». Московские генералы не возражали. Памятный знак «За службу на Кавказе» был вручен заместителю начальника восточно-сибирского СОБРа подполковнику милиции Владимиру Вострецову.

Настроение в тот февральский день заметно поднялось: бригада выполнила задачу, в тяжелых боях выбив «духов» из Заводского района Грозного. Главное, что радовало комбрига, — потерь в последние дни не было. Даже солнышко наконец-то проглянуло сквозь дым, гарь, туман. А ведь еще пару дней тому назад все было довольно скверно...

— А правда, что был приказ воевать до последнего солдата?

Вопрос ефрейтора Анохина — комбригу в лоб. Стоим перед двумя десятками чумазых, прокопченных дембелей в развалинах дома. Оконные проемы заложены обломками этих же стен, в прорехи задувает ветер и летит крошево штукатурки, когда «духовские» пули и ВОГи попадают в косяки. Пол под костерком, разведенным тут же, в непростреливаемом закутке, почти прогорел, и его забрасывают черным крупчатым снегом, принесенным с улицы в дырявом ведре.

— Мы не последние солдаты, — комбриг, умеющий вести диалог и с министром, и с командующими, и с чеченцами, сейчас подбирает несколько правильных слов для честного ответа своим героям-окопникам. — Мы, софринцы, всегда были первыми, разве не так? А первому труднее. Приказ нам был один — выбить бандитов из Заводского района. И мы приказ выполним. Штурмовать не заставлю, но на «блоках» сидеть будете — во фланги и в тыл нам враг ударить не должен. Вы слишком много сделали,

чтобы я с вами говорил грубо и неуважительно. Но если вы пойдете против закона, то и я перешагну через себя — уйдете без государственных наград, без «боевых» денег, с позором. Вот все, что могу вам сказать...

Комбриг говорил негромко, но внятно, делая паузы только во время ухающих слева и справа разрывов. Полковник Фоменко оказался перед трудной дилеммой. Его бригада ведет бои в Грозном, несет потери. Людей не хватает. Для нескольких десятков солдат и сержантов настал срок увольнения в запас. А по заведенному еще в Афгане негласному правилу дембелей в бой не посылали — берегли. Хотя сами солдаты-«старики» на этот счет были противоположного мнения: рвались на передовую, примером отваги уча молодых...

Один из офицеров попросил:

— Товарищ полковник, вы лучше присядьте вот сюда, в простенок, а то мало ли что...

Присели у костерка, сдувая парок-дымок с кружек, прихлебывали чай-душегрей, размышляли-планировали. Фоменко, со вздохом:

— Эх, ребята, что-то мы не так воюем. Хлопцы, давайте предложения...

В его батальонах практически не осталось штатных комбатов и ротных: пятеро офицеров убиты, двадцать три ранены. В ротах по тридцать-сорок человек. А сверху по станции «Kenwood» — недовольно-угрожающий голос армейского генерала:

— Почему до сих пор топчетесь на месте? На других направлениях уже к Минутке выходят!

Из-под комбриговского маскхалата заговорил второй «Kenwood», на той волне шла пикировка моджахеда с кем-то из наших:

— Вам хана будет! Аллах акбар!

— Заткнись, у...ще! Щас пойдешь к своему аллаху!

Комбриг оставляет без внимания и генеральский рык, и волчий вой. Комбриг думает.

— Отовсюду лупят, — рассуждает вслух, — никого на флангах. Но работаем по прежней схеме: стараемся занять дом и держать его. После артподготовки — вперед. Хорошо бы взять под прицел пути их отхода — сами видите, сколько траншей нарыто. Нам «вертушкой» подбросили «Шмелей», их

используйте. Наши танки уже выходят на прямую наводку, сами слышите. Как отработают по флангам — их заполнять. Хорошо бы сегодня засветло овладеть «клюшкой» и там зацепиться...

Комбриг разговаривает с батальонами, со своей и приданной артиллерией, танкистами на понятном только им жаргоне, который будет действовать лишь до конца боев в этом районе. «Клюшка» — одно из зданий, где «духи» оборудовали свой опорный пункт. Есть еще «форт», «зигзаг», «щука», «лев», «волк»... Все это — отдельные огневые точки, опорные пункты, укрепрайоны противника. Каждому — своя порция огня.

Комбриг управляет. Сакраментальное «что делать?» свербит мозг выпускника двух военных академий денно и ночно несколько недель кряду. Ему, командиру, принимать решение, от которого зависит итог боя. А в том итоге — не только достижение намеченных рубежей, не только число уничтоженных врагов. Выслушав его доклад о выполнении боевой задачи, зададут и самый страшный вопрос: «Есть ли потери?»

Уже были упреки в его адрес. Причем упрекали голословно, за глаза те, кто был в глубоком тылу. Были даже черные наветы завистников. Мол, получил Геннадий Дмитриевич Звезду Героя, и теперь ему все — хрен по деревне. Врали, что на Новый год домой укатил, оставив бригаду на зама...

Все не так, ребята. Комбриг Фоменко, едва приняв после Академии Генштаба софринскую бригаду оперативного назначения, повел ее в долгий кавказский поход. И поход тот по предгорьям Дагестана, ногойским степям и чеченским городам и аулам был отнюдь не парадным маршем. И слова министра обороны России маршала Игоря Сергеева: «Ты хороший командир, Геннадий Дмитриевич», — были не дежурной, подбадривающей фразой. И медаль «За укрепление боевого содружества», которую вручил ввэшному комбригу генерал-полковник Виктор Казанцев, подтвердила крепость такого боевого содружества, сложившегося за месяцы новой чеченской кампании. И генерал Владимир Шаманов, с которым в одно время учились в Академии ГШ, по-товарищески обнял: «Я наслышан о твоей бригаде».

Софринцы подставляли надежное плечо армейцам там, где ощущалась слабина, где на флангах образовывались бреши. Нередко бригада, сообразно сложившейся обстановке, выходила вперед, создавая удобные плацдармы мотострелковым полкам Российской армии.

А ведь поначалу ввэшников восприняли едва ли не как войска второго сорта, пытались «нарезать» им задачи, даже не глядя в глаза командиру.

Фоменко на первом же совещании расставил все точки над *i*. Внятно, с достоинством и без горячности он представил свое командование, комбатов, доложил о возможностях своей бригады, поделился богатейшим опытом боевых действий на Кавказе, предложил свои подходы к планированию операций. «Он уважать себя заставил...»

А то, что полковник Фоменко прокатил маршала Сергеева на своем «динозаврике», — так, эпизод, случайность. Когда министр обороны знакомился с обстановкой на Сунженском хребте, командующий группировкой федеральных войск генерал-полковник Казанцев обронил фразу, подзывая Геннадия Дмитриевича: "Вот тот комбриг, о котором я вам говорил, товарищ министр". Несмотря на то, что высокие генералы на войне сплошь в полевом камуфляже и в простых сапогах, воинский этикет и субординация здесь соблюдаются пунктуально. И все же в тот день протокол был чуть-чуть нарушен. Когда надо было увозить министра обороны с КП, а это приличная высота, машина комбрига Фоменко оказалась самой подходящей. Армейские генералы все допытывались: "Что за чудо техники?" Софринский "динозаврик", смахивающий на гибрид крутого "хаммера" и старушки "БРДМки", оказался... дежурным тягачом, да еще переделанным из бронированной инкассаторской машины. Вход через высокую дверь, а не через узкий лючок. В салоне просторно, мягкие сиденья, как в "жигулях", хороший обзор сквозь пуленепробиваемые стекла, тепло. Армейцы добродушно улыбались, одобряя такую находку вэвэшников... Министр обороны, проехав в камуфлированном "динозаврике" с опознавательными знаками внутренних войск до вертолетной площадки, поинтересовался: "И много у тебя таких машин?" — "Эксклюзивный экземпляр, товарищ министр". Фоменко был рад не тому, что угодил министру, — боевому офицеру чужды любые проявления лести и подбострастия. Комбригу приятно было слышать из уст министра обороны добрые слова о грамотных действиях внутренних войск...

А когда придвинулись вплотную к Грозному, комбриг оставил свою уютную машину на тыловой базе и седлал уже БТР, БМП или танк-"шестидесятдвойку". Склоны холма, на котором расположился его КП, были коварны не столько своей крутизной, сколько многослойностью чеченского "асфальта" — заледенелой тверди, покрытой скользкой грязью. Переиначивая название известного романа о войне, здесь нередко с горькой иронией говорили: "Танки идут юзом".

А их, самую грозную силу во внутренних войсках, надо было вывести на прямую наводку, подтянув как можно ближе к городским кварталам, чтобы обеспечить продвижение бригады вперед. И они, молодчаги, подошли. И ударили. И моджахеды побежали, оставляя кровавый след.

В ТЕ ДНИ В СОФРИНСКОЙ бригаде находились начальник штаба Московского округа внутренних войск генерал-лейтенант Александр Будников и заместитель командующего группировкой Особого района Грозного полковник Владимир Манюта. (23 февраля в Грозном ему были вручены генеральские погоны. Поздравляем!) Надо отдать им должное: присланные подгонять бригаду, они прекрасно понимали, что подстегивать комбрига Фоменко нет нужды. Советы и товарищеское ободрение старших начальников Геннадий Дмитриевич принимал с благодарностью. Тем более, что люди эти не рулили войсками из теплых палаток, а сидели рядом с ним на холодной броне, когда он выдвигался в боевые порядки...

Бригада усталая, потрепанная, но не разбитая, с честью выполнившая боевую задачу, построилась в каре на взгорке перед палаточным лагерем. Генерал Будников вручал отличившимся грамоты, знаки "За отличие в службе", ценные подарки. Комбриг Фоменко получил часы. Очередные, четвертые, за эту кампанию. Те, что вручил ему Казанцев, Геннадий Дмитриевич подарил комбату подполковнику Александру Беликову, другие — от администрации президента — замначштаба бригады подполковнику Василию Атамасю. Своим боевым товарищам говорил при этом: "Все, что могу..."

Есть у него часы и от министра внутренних дел, и еще одни, роскошные и дорогие, какие дарят как дополнение к Золотой Звезде. Часы нынче — самый расхожий подарок, вещь, каждому необходимая, полезная.

И то верно: без точного хронометра командиру воюющей бригады никак нельзя. Сутки наполнены спрессованными минутами. Цена даже одного иного мгновения на войне страшно высока. А его бригада не выходила из боев неделями. Сколько смертельно опасных мгновений вместили те дни?..

"Возьми в пример себе героя" — банальный, вроде бы, затертый в бесчисленных повторениях призыв. Но вот нынешние слушатели Академии Генерального штаба полковники Владимир Афонин и Сергей Бубенчиков именно к Фоменко приехали за боевым опытом. Несколько дней ходили за ним по пятам: выезжали на боевые операции, присутствовали на совещаниях, зарисовывали схемы. Геннадий Дмитриевич стойчески выдерживал визиты гостей. В бригаде кто только ни побывал: представитель правительства

России в Чечне Н.Кошман и небезызвестный Беслан Гантамиров, министр культуры России В. Сидоров и священнослужители, проверяющие прокуроры и советчики-психологи. Про телевизионщиков и газетчиков и говорить не приходится — несть числа... Фоменко ровен со всеми, терпим. Всеобщее пристальное внимание вполне объяснимо. Во-первых, софринская ОБрОН — часть, известная, можно сказать, легендарная. Своего рода "фирменный знак" не только Московского округа, но и всех внутренних войск. Всегда на острие событий, всегда на передовой. А теперь и комбриг — Герой России, личность незаурядная.

Так распорядилась судьба, что принял он бригаду в очень тяжелые времена и повел ее, что называется, с марша — в бой. Потери, которые софринцы понесли в Грозном, — удар для всех тяжелый. А каково командиру, ответственному за все, за каждого солдата? Да если еще начнут за глаза, злым шепотком винить именно его. К чести софринцев, ни один из офицеров, прапорщиков и солдат не высказал упрека своему боевому комбригу. Не может быть упреков командиру, кто пресловутые тяготы и лишения несет на войне бок о бок с солдатом, как все, рискуя собственной жизнью...

Он служил на высокой должности во внутренних войсках Украины, но там не остался, когда распался Союз. Он вполне мог бы благополучно устроиться подальше от "горячих точек". Но согласился на полк в Дагестане, с понижением. Знал прекрасно, что там уже "припекает", что полк только-только формируется в боевой коллектив. Смешно сказать: выставили заставами вдоль горной чеченской границы на фронте в несколько десятков километров, вооружив, кроме стрелкового оружия... резиновыми палками. Получив сигнал о замеченном с заставы бронеобъекте противника, он приказывал своему артвооруженцу подполковнику Галееву: "Рафаэль Рахимович, хватай гранатомет и на "газоне-шестьдесят шестом" дуй на заставу". Неделью так и воевали, с единственным РПГ-7. Фоменко, инициативный и контактный, быстро наладил взаимодействие с пограничниками, не отстал от командующего тактической группировкой, пока не получил СПГ, АГСы, "Мухи", "Шмели", стереотрубы. Тогда господствующие высоты от Хасавюрта до Алмака были нашими. Бандиты в районе Зандака и других чеченских сел это хорошо знали, особо не рыпались. Полк держал границу до конца 96-го. Чем обернулось то пресловутое "хасавюртовское замирение" — теперь всем известно.

Войска ушли тогда из Грозного, чтобы ровно через четыре года сюда вернуться. Самый тяжелый для софринцев бой был 29 декабря в Старых

Промыслах. Бой на всем протяжении рубежа, занимаемого бригадой, бой с утра и до темноты. Моджахеды засели в подвалах пятиэтажек, стоящих крепостной стеной на фоне домишек частного сектора. И сегодня тяжело вспоминать участникам того боя, "как мы их били, как доставалось и нам".

Бригаду, едва вышедшую из боя, как палочку-выручалочку, бросили в Алхан-Калу — там прорыв боевиков. Потом опять в Грозный. На этот раз в Заводской район. Здесь капитально окопались-ощетинились два отряда "непримиримых" — наемники-ваххабиты и чеченцы-наурцы...

Тяжелая очередь из "эзушки" шарахнула со стороны стадиона в полуметре от сетки, занавешивающей КП бригады. Упали на дно сырого окопа все, кто там был. "Духи" долбанули еще. Справа по фронту стояла батарея "саушек", огонь которых корректировал майор по имени Ермек. К нему прибежал боец: "Товарищ майор, у нас "двухсотый" и два "трехсотых"! Огромный майор, в мешковатом маскхалате, похожий на белого медведя, увалисто побежал на свои позиции. Комбриг ставит задачу засечь и подавить вражью зенитную спарку. Ни танком, ни СПГ укрывшихся бандитов не достать. Работают минометчики.

А севернее, ближе к центру, работает авиация — зоркий комбриг даже считает отделившиеся от самолета бомбы: "Вон они — раз, два, три, четыре, пять, шесть..." В подтверждение правильности счета один за другим в городских кварталах ухают шесть взрывов. А кто-то сказал, что весь Грозный уже взят, что только софринцы топчутся...

Это хорошо, когда против минометов и зенитных установок противника есть наша авиация и тяжелая артиллерия. Это хорошо, что есть в бойцах и злость, и решимость сражаться. Конечно, мало приятного командиру слышать от своего солдата: "Я вперед не пойду". Это даже не трусость. Устал парень, надломился. Запас прочности у всех ведь разный...

Вечером разведчики сумели вытащить тела погибших два дня назад в этих кварталах рядового Семилетова и майора медслужбы Суховея. В горячке боя офицер кинулся спасать солдата, еще не зная, что тот убит, и сам попал в руки "духов". Смотреть страшно — с отрубленной головы майора снят скальп. Не надо теперь рассказывать, с какими нелюдями столкнулись софринцы. Не надо доказывать, что нелюдь заслуживает только смерти...

На лице комбрига, а он умеет скрывать эмоции и переживания, проступает нестерпимая душевная боль, боль, которая любого другого может свести с ума. Ему же предстоит работать. Работать с холодным умом...

НАЗАВТРА БРИГАДА выйдет в излучину мутной серо-бирюзовой Сунжи, где телевизионщики будут "допрашивать" комбрига среди чумазых, но явно повеселевших его бойцов. Репортер подведет итог интервью красивой двусмысленной фразой: "Командир привел свою бригаду в город. В город, которого нет".

Это вроде риторического "За что воюем?.."

День 23 февраля был для комбрига Фоменко поистине звездным: он, уже при золотых генеральских погонах, получал в Кремле Золотую Звезду Героя России. Бриллиантовое сверкание хрустальных люстр, мягкий ворс красных ковров под подошвами начищенных штиблет, звон изящных бокалов с шампанским, цветы... А в двадцать один ноль-ноль — фейерверк над Москвой в честь защитников Отечества, в его, генерала Геннадия Фоменко, честь...

Указ о присвоении ему высшего звания в России был подписан 11 января, а он, комбриг Фоменко, еще больше месяца провоевал в Чечне. Как-то в Грозном разговорились мы с омоновцами, приданными софринской бригаде на время проведения спецоперации. Они говорят: "А вы знаете, наш комбриг-то уже Герой?" Так и сказали: "НАШ комбриг". На войне нет лучшего признания командирских заслуг, лучшего подтверждения порядочности офицера. "Наш комбриг" — так говорили о Фоменко и в приданных софринцам подразделениях внутренних войск из Кирова, Моздока, Казачьих Лагерьей.

Контактный и умеющий сказать "свое слово", комбриг Фоменко приглянулся телевизионщикам. И это хорошо, это радовало всех, кому небезразлично общественное мнение о внутренних войсках. Комбриг вполне вписался в привычный для российского обывателя ряд армейских генералов (Казанцев, Трошев, Шаманов), показываемых по телевизору каждодневно на кавказском театре военных действий.

Встретились уже в Москве. Фоменко — в новеньком генеральском кителе с золотыми погонами, на груди — Золотая Звезда. Обнялись по-братски. Поздравил его от души, порадовался за него искренне. Трудно представить, что творится в душе этого фронтовика: недавний прием в Кремле, близкая поездка к сыну — курсанту Университета МВД, ожидание встречи с женой, которая исстрадалась в бесконечной тревоге за благоверного. Звездный час комбрига Фоменко. Здравницы в его честь, пожелания новых звезд на "беспросветных" теперь, генеральских то бишь, погонах...

А еще я точно знаю, что он жутко устал, что хочет выспаться всласть.
Хорошо бы сейчас поспать часиков ...надцать.

И приснится ему либо в эту же ночь, либо через месяц, либо через год серое небо над Грозным в сполохах взрывов и росчерках трассеров, заледенелая, с пятнами крови тропка от его КП к городским кварталам, шуршание о влажный туманный воздух пролетающих над головой гранат, пущенных из АГСов...

И он сам, с кружкой крутого дымного чая сидящий на патронном ящике. Кто-то из офицеров ему говорит: "Вам, товарищ полковник, костюмчик пора бы заменить, да и погоны тоже". На комбриге неизменный демисезонный "Снег", в котором прошел две войны. На правом плече полковничьи звезды заметно вытерлись — комбриг Фоменко привык быть с автоматом...

Полковник Борис КАРПОВ

(газета «ЗАВТРА» №14(331) 2 апреля 2000 г.)